
УДК 82.0 (470. 621)

ББК 83.3 (2=Ады)

Б 57

Бешукова Ф.Б.

*Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики
Адыгейского государственного университета, e-mail: fat8434@yandex.ru*

Таджиева Б.М.

*Кандидат филологических наук, начальник отдела Ингосстраха Республики
Адыгея e-mail: bakson_2285@mail.ru*

**Художественная концепция центрального образа-персонажа
в романе И.Машбаша «Графиня Аиссе»
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматривается проблема литературных корреляций образа героини Аиссе в романе И. Машбаша с трактовкой женских образов в сентиментальном, просветительском и романтическом романах. Основным аспектом рассмотрения становится нравственная проблематика, обусловленная ментальностью героини, в частности, варианты решения проблемы выбора между «долгом и чувством».

Ключевые слова:

Исторический роман, романтизм, сентиментализм, Просвещение, личность и характер, национальное сознание, ментальность, психология персонажа, нравственный выбор.

Beshukova F.B.

Doctor of Philology, Professor of Literature and Journalism Department, Adyghe State University, e-mail: fat8474@yandex.ru

Tadzhdiyeva B.M.

Candidate of Philology, Head of Department of Foreign State Insurance Committee, Adygheya Republic, e-mail: bakson_2285@mail.ru

**The art concept of the central image-character
in I.Mashbash's novel «Aisse Countess»**

Abstract:

The paper discusses literary correlations of an image of the heroine of Aisse in I.Mashbash's novel with female images in sentimental, educational and romantic novels. The moral problems caused by mentality of the heroine, in particular, solution variants of a choice between "a duty and feeling" become the main aspect of consideration.

Keywords:

Historical novel, romanticism, sentimentalism, Education, personality and character, national consciousness, mentality, psychology of the character, moral choice.

По линии литературной традиции трактовка образа главной героини романа И. Машбаша Аиссе имеет типологические связи с несколькими художественными системами, в частности – с сентиментализмом, литературой Просвещения и романтизмом. В центр романа «Графиня Аиссе» поставлены авторские раздумья о природе человека в контексте вечной темы противостояния рационального и чувственного начал. Аиссе, в отличие от романтических героинь, не идеальна, художественная концепция её образа реалистична: побуждаемая обстоятельствами, она совершает ошибки, но лишь для того, чтобы раскаянием искупить их и еще более упрочиться в своем стремлении к разумности и добру. Точнее всего выразит суть героини Машбаша следующее утверждение: «Романтический герой - это не просто положительный герой, он даже необязательно должен быть положительным, это герой, который отражает тоску поэта по идеалу» [1: 174].

Писателя интересует не столь характер (как литературоведческая категория), сколь личность Аиссе. Как отмечает С.Н. Бройтман, личность открывается «взгляду изнутри» [2: 238]. Этот подход к раскрытию персонажа открыт романтиками. Образ-личность не продолжает predetermined родовую жизнь, а, как пишет М.М. Бахтин, «ответственно начинает ценностно-смысловой ряд своей жизни». Он «самочинен и ценностно инициативен», не predetermined, его «индивидуальность раскрывается не как судьба, а как идея, точнее, как воплощение идеи. Герой, изнутри поступающий <...> на самом деле воплощает некую идею, некую необходимую правду жизни, некий прообраз свой, замысел о нем Бога» [3: 156]. Гипотеза М.М. Бахтина использована в качестве базовой для осмысления типа главной героини по следующим признакам: Аиссе, не имея «родовой» поддержки, живет и действует по своим внутренним законам, её жизнь – не «судь-

ба», а «случай», она в своих поступках глубоко индивидуальна. И так как Аиссе поступает и живет не по правилам среды обитания, то можно полагать, что её нравственные ориентиры – от Бога. Характер формирует среда, а личностные качества – есть реализация глубинных ментальных ценностей.

В создании образа-личности значительно актуализируется авторская «точка зрения». М.М. Бахтин полагает, что автор видит героя как личность, но осознает его в категориях собственного «я», а не как другую личность. Такое видение мы наблюдаем в исследуемом тексте: И. Машбаш, создавая художественный образ, прототипом которого является личность, жившая в далеком прошлом, естественно, наделяет героиню своим видением мира и своими представлениями о морали и нравственности. Возможно, поэтому история любовных отношений Аиссе с шевалье Блез-Мари де Эди описывается несколько схематично, хотя этот период жизни – один из самых ярких и эмоционально насыщенных в жизни героини; эта любовь, повлекшая за собой тяжелые нравственные муки, стала причиной её болезни и смерти. Сюжетная линия, связанная с отношением Аиссе к дочери Селини, также не получает развернутого отображения. Писатель, подчиняя движение романа авторской идее, не акцентирует внимание на тех фактах, которые бы ей противоречили – ведь внебрачная связь и незаконнорожденный ребенок снижают идеальный образ героини.

Если обратиться к жанровой специфике художественного воссоздания образа, то можно утверждать, что концепция образа главной героини выстроена в рамках традиций исторического романа и, скорее, не западноевропейского, по типу вальтер-скоттовского, а русского реалистического. Можно провести линии типологического тождества с типом главного героя в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина. Как справедливо отмечает Н.

Тамарченко, «<...> если у В. Скотта главный предмет изображения – это судьба героя, то у Пушкина – его нравственная эволюция, а также этическая оценка хода истории и ее логики (через судьбу героя и его точку зрения)» [4: 51].

Композиция романа выявляет наличие двух основных конфликтов в сознании главной героини – внутреннего и внешнего. Внешний можно отнести к типу социального, характерного для реалистической литературы, конфликта – между индивидуумом и средой. Второй конфликт гораздо психологичнее – это внутренний разлад, который можно отнести к типичному конфликту литературы Классицизма и Просвещения – конфликт между «чувством и долгом». «Долгом» в контексте исследуемого произведения можно образно обозначить долг Аиссе перед своей совестью, своими нравственными принципами.

Следует подчеркнуть, что в мировой литературе женские типы, подобные Аиссе, являют собой достаточно представительную галерею образов – это героини Д. Остен (Элизабет Беннет, «Гордость и предубеждение»), Н. Карамзина (крестьянка Лиза, «Бедная Лиза»), Ж.-Ж. Руссо (Юлия, «Новая Элоиза»), Ж. Санд (Консуэло в одноименном романе), А.С. Пушкина (Татьяна, «Евгений Онегин»), А. Островского (Катерина, «Гроза»), Л. Толстого (Анна, «Анна Каренина») и др. Объединяет этих героинь внутренний конфликт между двумя архетипическими прообразами их сознания – женщина-мать и женщина-любовница.

Под архетипами один из основателей теории психоанализа К.Г. Юнг понимал элементы коллективного бессознательного, обозначающие суть, форму и способ связи наследуемых бессознательных первичных человеческих первообразов и структур психики, обеспечивающих основу поведения, структурирование личности, понимание мира и взаимопонимания людей. Юнг писал: «Любое отноше-

ние к архетипу, переживаемое или просто именуемое, «задевает» нас; оно действительно именно потому, что пробуждает в нас голос более громкий, чем наш собственный. Говорящий прообразами говорит нам как бы тысячью голосов, он пленяет и покоряет, он поднимает описываемое им из однократности и временности в сферу вечносущего, он возвышает личную судьбу до судьбы человечества и таким путем высвобождает в нас все те спасительные силы, что извечно помогали человечеству избавляться от любых опасностей и превозмогать даже самую долгую ночь» [5: 67]. По Юнгу, антропологически женское начало «анима» соответствует пассивному принципу природы. В «Символах трансформации» К.Г. Юнг утверждает, что древние видели в женщине либо Еву, либо Елену, Софию или Марию (номинации соответствуют импульсивности, эмоциональности, интеллектуальности и добродетели). Соответственно, эти начала не могут сосуществовать в реальном мире личности и вступают в конфликт, как произошло с Аиссе.

«Анима» представляет собой сложный архетипический образ, характеризующийся наложением ряда символических аспектов. Например, в архетипе Софии или Марии женщина предстает как образ души и оказывается высшей по отношению к мужчине, поскольку является отражением самых возвышенных и чистых его качеств. В своих низших формах, как Ева или Елена (инстинктивный и эмоциональный аспекты), женщина стоит на уровне более низком, нежели мужчина. Она выступает в своей наиболее характерной роли соблазнительницы, «вечной женственности».

Аиссе в результате сложного внутреннего противоборства не смогла воспротивиться своему импульсивному началу и, подчинившись зову любви, вступила во внебрачную связь. Внутренние терзания, детально и психологично описываемые в романе, достоверно иллюстрируют,

---

что в натуре Аиссе изначально доминирует начало Марии – добродетели и интеллектуальности: *«Айшет знала, раз уж так требует судьба, она сумеет жить во Франции, быть и черкешенкой, и французской, как бы это ни было ей трудно.*

И это, кажется, удавалось ей, но как быть с тем, что она сделала теперь? Что это – бесчестье или послушность зову сердца? Любовь!? А если эта любовь греховна? <...> Да, грешно, стыдно, однако я не жалею. Я была в безвыходном положении, будто к стене пригвожденная, была вынуждена так поступить. Боже, будь милостив ко мне, грешной» [6: 351]. Таким образом, пробудившееся под влиянием настоящего чувства начало Евы (инстинктивное и эмоциональное) приводит к психологическому диссонансу, выразившемуся в трагическом для героини внутреннем конфликте, не получившем оптимистического разрешения. В тексте романа приводится одно из писем Аиссе, в котором она с отчаянием признается в том, с каким трудом ей приходится отказываться от своего всепоглощающего чувства: *«Увы, я все та же, какой вы меня оставили, и все так же терзаюсь той мыслью, которую вы вселили в меня, и нет у меня мужества решиться на это (речь идет о настоянии госпожи Каландрины прервать связь с Блез-Мари де Эди – уточнение наше, Ф.Б.); страсть моя всякий раз берет верх и над моим разумом, и над вашими советами, и над мыслью о благодати.*

Чувство долга, любовь, беспокойство и преданная дружба беспрестанно борются между собой как в мыслях моих, так и в сердце. Я жестоко терзаюсь, тело мое изнемогает от этой тоски и тревоги» [6: 444].

В контексте исследования личности главной героини романа «Графиня Аиссе», на наш взгляд, достаточно продуктивной представляется попытка её типологического соотнесения с женским персонажем эпистолярного романа Ж.-Ж.

Руссо «Новая Элоиза», написанным под очевидным влиянием Ричардсона. В этом романе был выведен сюжет, ставший вероятно популярным и оказавший значительное влияние на дальнейшее развитие литературы - трагическая судьба героини, погибающей в борьбе целомудрия с любовью или соблазном.

Ж.-Ж. Руссо создал тип «нежного сердца», «прекрасной души», расплывающейся в чувствительности и слезах, всегда и во всём руководствующейся, во всех случаях жизни, во всех отношениях и суждениях чувством. В отличие от Юлии, Аиссе эмоционально сдержанна в проявлениях чувств, она подчиняется больше голосу рассудка.

Сходство этих героинь, принадлежащих разным культурам, видится в другом. Они чувствуют и любят иначе, чем их современники. Эту способность подчеркивает Поль де Сент-Виктор, чьи слова «Она любила в то время, когда все разучились любить» стали эпиграфом к роману.

В представлении французов Аиссе является представительницей «дикарской культуры» (по Ж.-Ж. Руссо). Антагонизм, в который Ж.-Ж. Руссо поставил «дикаря» по отношению к культурному человеку, находит в романе И. Машбаша своё объяснение и реальный смысл: «дитя природы», «дикарка» по своим личностным качествам оказывается намного выше «цивилизованных» французов.

Чувствительные люди Ж.-Ж. Руссо любят иначе, чем напудренные кавалеры салонов: они не ухаживают, переходя от одного предмета к другому, а любят со всей страстью души, для которой любовь есть суть жизни. Они возводят любовь из приятного препровождения времени в степень добродетели. Их любовь представляет собой высшую правду и поэтому не признаёт преград, которые ей ставят общественные условия и отношения. Таким путем после длительных и мучительных размышлений идет и Аиссе.

Коллизии судьбы Аиссе после того, как она уступила чувству, почти полностью соответствуют сюжетной развязке в «Новой Элоизе». Во второй части романа Ж.-Ж. Руссо изменяет линию поведения героини, подводит её к нравственному перелому, выразившемуся в мучительных сомнениях в правильности своего поступка. Дав сначала полную волю потребностям любящего сердца, далее Ж.-Ж. Руссо провозглашает принцип нравственного долга, которому подчиняется сердце, не признающее внешних преград.

Так же строит сюжет и И. Машбаш. Но Юлия - слабая представительница идеи долга. Ж.-Ж. Руссо её постоянно ставит на край пропасти; самые страстные сцены романа относятся именно ко второй его части и вселяют в читателя уверенность, что героиня не останется победительницей в борьбе долга с чувством; наконец, чтобы спасти принцип и сохранить честь героини, автор прибегает к трагическому окончанию романа (Юлия погибает в озере, спасая своего сына).

Героиня И. Машбаша намного тверже в своих морально-нравственных убеждениях, она не прощает себя, побеждает свою страсть и отказывается от греховного счастья; её болезнь и смерть прочитываются как наказание, как результат бесконечных внутренних мучительных обращений к Богу в поиске духовного спасения.

Судьба Аиссе тем более трагична, что она не плод творческого воображения, а реальная трагическая история, зафиксированная в её «Письмах к госпоже Каландрины».

Закономерно возникает вопрос: разве только черкешенки обладали столь гипертрофированным чувством собственного достоинства, незыблемыми представлениями о женской чести и добродетели? Скорее всего, в реальном мире у всех национальностей есть собственные представления о морали и нравственности, нельзя говорить в целом обо всем народе. Но в этике каждого этноса присутствуют свои национальные ценностные доминанты. Об этом писал и Г. Гачев: «При том, что все народы под одним солнцем и одной луной и *почти одинаковым небом* ходят, вовлечены в единый исторический процесс (и этот покров, крыша их объединяет и приравнивает друг к другу), они ходят по *разной земле* и разный быт и историю имеют, - то есть из разной почвы вырастают. А отсюда ценности, общие для всех народов (жизнь, хлеб, свет, дом, семья, слово, стихотворение и т.д.), располагаются в различных соотношениях. *Эта особая структура общих для всех народов элементов (хотя и они понимают по-разному, имеют свой акцент) и составляет национальный образ, а в упрощенном выражении – модель мира*» [7: 47].

И. Машбаш выделяет основные морально-нравственные ценностные установки черкешенки и акцентирует внимание на них, для чего использует систему художественно-выразительных средств, особенности сюжетного и композиционного построения, основанного на принципе противопоставления характеров, типов.

Примечания:

1. История зарубежной литературы XIX века / под ред. Я.Н. Засурского, С.В. Тураева. М., 1982.
2. Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Академия, 2004.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
4. Тамарченко Н.Д. «Капитанская дочка» и судьбы исторического романа в России //

-
- Известия Академии наук. Сер. лит. и яз. Т. 58, № 2. М., 1999. С. 44-53.
  5. Юнг К.-Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 287 с.
  6. Машбаш И. Графиня Аиссе. Майкоп: Полиграф-Юг, 2008. 504 с.
  7. Гачев Г. Национальные образы мира. М.: Сов. писатель, 1988.

References:

1. History of foreign literature of the XIX century / ed. by Ya.N. Zasursky, S.V. Turaev. М., 1982.
2. Theory of literature: in 2 v. / ed. by N. D. Tamarchenko. М.: Academia, 2004.
3. Bakhtin M.M. The aesthetics of verbal creativity. М., 1979.
4. Tamarchenko N.D. «The captain's daughter» and the the fortunes of the historical novel in Russia // The News of the Academy of Sciences. Series of lit. and language. V. 58, No. 2. М., 1999. P. 44-53.
5. Jung C.-G. Archetype and symbol. М.: Renaissance, 1991. 287 pp.
6. Mashbash I. Countess Aisse. Maikop: Poligraf-Yug, 2008. 504 pp.
7. Gachev G. National images of the world. М.: Sov. writer, 1988.